

*Надежда... Вот она, коварная змея!
Ты валишься с ног, но она поднимает тебя
и заставляет идти дальше. Раз за разом
ты понимаешь, что чуда не случилось
и, быть может, не случится — но надежда
снова гонит тебя вперед...*

Юлия Миронова

Переводы
с языка дельфинов

Екатеринбург
Рама Паблшинг
2015

УДК 82-31
ББК 84-44
М64

Миронова, Ю.

М64 Переводы с языка дельфинов : роман / Юлия Миронова. — Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-91743-052-2

Жизнь молодой красавицы Алины складывалась именно так, как она мечтала: учеба в университете, работа в престижной компании, обеспеченное замужество, до безумия влюбленный муж и, наконец, венец счастья – рождение ребенка. Но страшный диагноз сына прозвучал как приговор. Сказочная жизнь превратилась в полную драматических событий реальность. Чтобы преодолеть обстоятельства, Алине придется сделать свой главный жизненный выбор.

Это захватывающая история об испытаниях и о безграничных возможностях материнской любви во имя жизни своего ребенка.

Для широкого круга читателей старше 18 лет.

УДК 82-31
ББК 84-44

ISBN 978-5-91743-052-2

© ООО «Рама Паблишинг», 2015

От автора

Начиная писать эту книгу, я очень торопилась. Мне казалось, что у меня уже никогда не будет столько потрясающего материала, от которого мне самой хотелось плакать и смеяться. Забавно это слышать от матери аутиста, не правда ли? Однако с каждым годом я осознавала проблему все глубже, пока наконец не поняла: такая книга должна быть не просто чтивом, но глобальным, переворачивающим сознание откровением.

Эта книга отчасти документальна: у всех детей есть реальные прототипы. Их симптомы аутизма и основные существовавшие в период написания книги методы лечения также списаны с натуры. Все взрослые, однако, выдуманы, а совпадения случайны.

Матери особых детей — это героические женщины, но они не любят, когда им об этом говорят, ведь это не их личный выбор. Но даже если личный (в случае усыновления), то не крест, а событие, перевернувшее жизнь. Чаще, чем обычные родители, сталкиваясь с жизнью и смертью, красотой и уродством, логикой и безумием, они словно бы

поднимаются над ежедневной суетой и обретают истинный смысл жизни. Порой они снисходительно смотрят на обычных матерей, озабоченных дракой сына или тройкой дочери в школе и переживающих из-за такой, в сущности, ерунды. Но никогда не скажут об этом вслух, ведь они сами были такие же беззаботные.

Когда-то давно. До того, как...

Глава 1

Еще мгновение назад все было нормально. Алина брала одной рукой курицу гриль, а второй тыкала в витрину:

— Вот эту картошку в «четверку», пожалуйста!

Продавщица взяла контейнер и огромную ложку, всю в рыжих потеках растительного масла, и стала ловко набивать его картошкой доверху. Контейнер был взвешен, заклеен, передан Алине, и вдруг на пути в тележку он дрогнул и грузно вывалился на решетчатое дно из внезапно ослабшей руки.

— Вова! Вовик, ты где?! Вовочка, Вова!

Но уже было поздно. Удушливая паника стала захлестывать ее, начиная с горла, потом сжимая грудь и живот. Куда бежать? Где этот сорванец мог быть теперь? Ведь он еще мгновение назад сидел в тележке и увлеченно следил за процедурой покупки курицы. Она же отвернулась всего на пару секунд, как за это время вообще можно выбраться из тележки?

Все события с момента входа в магазин вспомнились ей максимально четко. Она припарковалась

на подземной парковке, как можно ближе к входу. Затем Вова потащил ее за руку к эскалаторам. Поднимаясь наверх, он настойчиво засовывал палец в щель между толстой резиновой змеей перил и движущимися прозрачными стенками эскалатора. Мешать ему Алина не решалась. Вова мог упасть прямо на ступеньках эскалатора, начать орать, биться головой и ногами обо все, что попадет. Так повелось уже давно, наверное, от недостатка внимания или неведомых ей огрехов в воспитании, но Алина не хотела об этом думать.

Далее они проследовали к тележкам, причем Вовик со смехом обогнал мать и побежал вперед, торопясь и подпрыгивая странными скачками. Руки его маленькими крылышками были поджаты вверх и дергано болтались на бегу. Ему еще не было трех, но, уже рослый и широкий, он вполне мог бы сойти за четырехлетнего. Однако стоило взглянуть на его лицо, увидеть отвлеченный взгляд, послушать его тарабарскую болтовню — и каждый сразу понимал: это просто крупный младенец, несмышленный и неуклюжий.

Вова выбрал тележку, подтащил к матери и, взяв ее руки в свои, стал класть их на ручку тележки. Затем он попытался залезть в нее самостоятельно, но Алина подняла пудовое дитя и грузно плюхнула его в сиденье для малышей. Потом они шли установленным маршрутом. Маршрут был определен Вовой уже давно, с тех самых пор, как он смог впервые провести маму по замысловатому, ему одному известному пути следова-

ния по магазину. Соблюдая все сопутствующие ритуалы.

Перво-наперво мимо игрушек — ровные ряды китайских машинок и розовых кукол в коробках. За углом детская комната. Первый ритуал был такой. Алина вынимала Вову из тележки, подталкивала его к детской комнате со словами: «Хочешь? Хочешь?» Он делал вид, что хочет. Подходил ближе, шел мимо лавочек с карапузами, которых раздевали мамы, и наступал на ковер. В этот момент он замирал и ждал. Воспитатель в детской комнате говорила: «Чтобы у нас играть, нужно снять ботиночки». Если воспитатель была занята другими детьми, это же самое произносила сама Алина и тянулась к его стоптанным зимним кожаным ботам, которые он носил бессменно уже полгода и ничего другого надевать не давал. Вова издавал дикий выкрик и убегал с площадки. Она ловила его и сажала обратно в коляску. Конечно, покупатели оборачивались на этот крик и смотрели на нее и на ее сына, но Алина привыкла к этому еще с Вовиною младенчества. Ребенок кричит в магазине, что тут такого, от этого никто не умирал, он всегда здесь кричал.

Затем они шли мимо яиц — рядов самых разных цветных коробок — и выворачивали к кулинару. Второй ритуал начинался здесь: Алина должна была остановиться и купить курицу гриль. Если бы она просто проехала мимо, он поднял бы такой крик, что сбежала бы половина магазина. Женщины бы стали давать советы и демонстрировать навыки успокаивания детей,

мужчины с неодобрением смотрели бы на попытки Алины заставить сына замолчать, а продавцы, потеряв терпение, потребовали бы покинуть магазин.

Алина уже не могла вспомнить, когда именно Вовик стал диктовать ей, что и в каком порядке делать в магазине. Ведь сначала кажется таким естественным, что мать идет на все уступки, угадывает все желания, в то время как младенец имеет только одну возможность — кричать. Он кричит — ты его кормишь. Он кричит — ты берешь его на руки. Он кричит — ты качаешь его в коляске, снова кричит — и ты достаешь его из коляски. И вот уже ему скоро три года и у него новые потребности. Он кричит — и ты идешь по проторенному маршруту. Он кричит — ты покупаешь курицу гриль. Он кричит — и ты надеваешь ему старые ботинки, потому что если надеть новые, он станет кричать еще сильнее. Процесс стал уже таким естественным и привычным, что Алина освоила все требуемые правила и ритуалы так же, как и ранее приспособилась к необходимости кормить и вставать ночью.

И вот все навыки не помогли, ритуалы не сработали, она стоит одна посреди магазина и кричит «Вова! Вова!», хотя и понимает, что толку не будет.

Конечно, можно было пойти к сотрудникам. Пусть они объявят по громкой связи, пусть все продавцы и охранники бегают и ищут его, пусть потом женщина в зеленой форме приведет его, и попросит предъявить паспорт, и будет долго его изучать и неодобрительно цокать языком, как это

было год назад. Но в тот раз ему было полтора, а теперь почти три.

Он не мог далеко убежать, не мог. Алина начала обходить ряды, один за другим, не уставая повторять: «Вова! Ты где? Вовка!» В какой-то момент она подумала, что не найдет его. Что тогда будет? Она вернется домой, к мужу, встанет посреди прихожей или, может, даже ляжет на пол и будет рыдать. Семен схватится за голову. Приедет свекровь, будет кричать: «А я что говорила? Какая она мать? Зачем ты вообще на ней женился? Почему ты меня не слушал?!»

Алина обходила ряды с кукурузой и зеленым горошком, потом с соками, сквозь слезы она уже ничего не видела. Где-то тут ее мальчик. Где же, куда ты спрятался, малыш? Она успокаивала себя лишь одним: Вова где-то здесь, в магазине, его не могли украсть. Если бы незнакомый человек взял бы его за руку или попытался дать ему конфетку, она мгновенно бы нашла его по разносящемуся по магазину дикому крику.

Магазин был огромный, она уже не помнила, где она была, где нет, и, решив начать сначала, вернулась к игрушкам. Там она его и нашла, в закутке, неподалеку от детской комнаты, полностью отрешенным от окружающего мира. Вовик лежал на полу, вжав ухо в грязные плиты, и внимательно наблюдал за колесиками машинки, которую он возил туда-сюда пухленькой ручкой.

Алина схватила его, начала целовать, оставила ему эту машинку и бросила в корзину еще пяток

таких же. Срываясь на рыдания, но всхлипывая уже больше от счастья, Алина говорила ему стандартные в таких случаях слова: как она волновалась и чтобы он не смел убегать, — но Вова не поворачивал головы и никак не показывал, что слышит хоть что-то. Алина попыталась повернуть его лицо к себе, но он упрямо продолжал смотреть на вертящиеся колесики. Придавленная бессмысленностью происходящего, Алина взяла сына за руку, устало потащила тележку к кассе и стала в очередь.

Ошибкой было рожать. Ужасной, дурацкой ошибкой. Нет, конечно, надо было, потом, когда-нибудь, когда она станет старой, когда ей будет тридцать или даже тридцать пять. Но не сейчас! Не в самые прекрасные в ее жизни двадцать пять! У нее было все как в сказке: необременительная работа, обожающий обеспеченный муж, подружки, дискотеки, красивые шмотки... Жизнь играла всеми красками. Ради этого она уехала из унылой деревни, где ее когда-то звали Аленой. Едва пересекая въезд в вожделенный город, утонченная и восхитительная Алина нещадно уничтожила и забыла Алену. Она была полна решимости изменить жизнь. Она холила и лелеяла свою природную красоту. Могла ходить голодной, но обязательно с маникюром, педикюром, укладкой. Она отказывала кавалерам, пока не нашла выгодную партию. Все это принесло плоды, именно такие, какие она ожидала, — вкусные, зрелые, источающие аромат шикарной жизни.

И вот когда все так удачно сложилось, Алина родила. Конечно, беременность была незапланированной, но она была так очарована перспективами заманчивого брака, что, ни на секунду не задумавшись, выложила Семену все, как оно есть. А после этого уже об аборте не могло быть и речи. Если бы Алина знала тогда, какой обузой может быть ребенок, она бы никогда не сделала такую глупость.

Беременность была легкой, и Алина была уверена, что после родов и вовсе вернется в эйфорию прежней жизни. Она немного опасалась проблем с бытом, стиркой, уборкой, готовкой. Но оказалось, что бытовых сложностей было намного меньше, чем она ожидала: пачка памперсов, стиральная машина и приходящая помощница решали все проблемы сразу. Хорошая медицинская страховка также внесла полновесный вклад в Алинино спокойствие — даже прививки Вове делали на дому.

Ни бытовых, ни прочих трудностей Алине преодолевать не пришлось. Но от этого контраст был еще сильнее. Никто не подготовил ее к той ужасной ответственности, которая внезапно свалилась на нее. Она не могла не думать о ребенке, она просыпалась по ночам не только для того, чтобы покормить Вовика, но и просто проверить, дышит ли он. Она звонила врачу при малейшем чихе или незначительном покраснении на Вовиных пухлых щечках. Она все время была настороже и никогда не могла расслабиться по-настоящему. Кроме того, Алине не давала покоя полная зависимость

от ребенка, точнее от его наличия. Теперь они с мужем не могли, как раньше, ужинать допоздна в ресторане, а потом отправиться в клуб. Смотреться на выходные в Париж или провести целый день в спа-салоне стало невозможно. И казалось, что это навсегда.

Когда Вову отдали в садик, стало легче, но не намного. Если раньше она думала, что после родов станет порядочной домохозяйкой, то теперь она мечтала об одном: вернуться обратно на работу.

Сложив покупки в багажник новенькой «мазды» и усадив Вову в детское кресло, Алина села за руль. Она уже почти пришла в себя, произошедшее в магазине казалось ей еще одной обычной проблемой, поджидающей молодую мать на каждом шагу. Алина обернулась к сыну, который сосредоточенно разглядывал колеса машинки и нетерпеливо закручивал их снова и снова, как только они останавливались. Она хотела сказать ему что-нибудь, но, вдруг передумав, поджала губы и включила зажигание.

Всю дорогу до дома она размышляла о себе и сыне. Разве смысл жизни женщины должен заключаться только в ребенке? Алина Зубова никогда так не считала. В жизни человека, пусть даже и женщины, всегда есть чем заняться помимо бесконечного сюсюканья, кашек и разглядывания кашек. Но как ни пытайся отвлечься на что-либо более интересное, прежней вольготной, добременной-дородовой жизни все равно не вернуть. И никакие няни и сады тут не помогут. Остава-

лось только смириться. И Алина старалась не заморачиваться.

— Сема, ты еду из машины взял? — спросила Алина.

Дома, наконец-то они дома! Она сдернула с Вовки ботинки и вытряхнула из них песок. Потянула штанишки вниз, привычно бормоча: «Мог бы и сам раздеться, тебе три года скоро». Вова стоял, опустив руки, и удивленно смотрел на стену, улыбаясь чему-то своему.

— Да, Алиночка. Но я у мамы поел. Давай просто кофе попьем, — предложил Семен.

Алина поморщилась. Про маму свою мог бы и не напоминать.

— Да уж, мама твоя нас накормила...

Невежливо, конечно, но день выдался тяжелый. Первая весенняя поездка к свекрови на дачу уже не подарок. Да еще и Вова непрерывно орал, с дачи просился домой. Некстати закончились подгузники, пришлось дотягивать до магазина. А потом ходить по рядам супермаркета с невинным лицом, как бы не обращая внимания на подозрительную вонь. Но по крайней мере в тележке Вова успокаивался. Если, конечно, они обходили продуктовые ряды в строго заведенном порядке.

— Вот скажи, — вредничая, продолжила Алина, — чего она привязалась к моей юбке?

Она надела Вове тапки и отпустила сына. Мальчуган рванул в детскую. Эх, квартиру Семен купил для них просто классную, что уж говорить. Спальня, детская, гостиная, столовая. Даже кабинет!

И огромная прихожая с двумя напольными вазами непонятного происхождения, но такими необычными и красивыми, что им было самое место в таком изысканном интерьере. Она открыла дверь в гардеробную и начала раскладывать по полкам уличную обувь.

— Не обращай внимания. Мама старой закалки, вся в науке, — попытался аккуратно замять скользкую тему муж.

— И что? Она-то за собой вон как следит! — Алину было не остановить. — А я один раз родила и теперь всю жизнь должна ходить как уборщица? В абы каком платье сорок восьмого размера, надеть прямо на спортивные штаны?

Семен возмутился:

— Ну уж нет! Так ты у меня ходить никогда не будешь!

Алина разложила наконец обувь и пристроила на место сумочку, а место ей полагалось строго над соответствующими туфлями. Потом она закрыла дверь в гардеробную и стала разглядывать себя в огромном, до самого пола зеркале.

Стильная угловатая фигура, как у модели, роскошные светлые кудри. Короткая юбка подчеркивала бесконечную длину ног. Она кокетливо поправила пару прядок, подмигнула отражению в зеркале. Наблюдавший за ней муж, поддавшись порыву, обнял со спины и поцеловал в шею. Она почувствовала жар его губ даже сквозь пушистую копну волос.

— Ты моя деревенская красавица! — Семен не удержался от похвалы.

— Фу, — потупилась Алина, — придумал тоже комплимент. Какая я тебе деревенская? Я уже десять лет в Питере живу. Даже одиннадцать!

— Я уверен, что в твоём Карцево не было таких красавиц никогда. Да что там в Карцево, во всех Великих Луках!

Алина поморщилась и вырвалась из его объятий. Её укоризненный взгляд призван был усовестить мужа.

— Семочка, я не хочу больше слышать про Великие Луки. Мы с тобой петербуржцы, понимаешь меня? — со значением сказала Алина.

Она пошла на кухню раскладывать по полкам холодильника еду из пакетов. Салаты, жареная картошка, говядина, запеченная с сыром, — все из отдела кулинарии. Готовить каждый день самой? Ну уж нет! Жизнь слишком коротка, чтобы проводить её у плиты. К тому же, если знать места, можно купить такие деликатесы, от одного вида которых утрутся самые домовитые хозяйки. Ну, самые домовитые, может, и не утрутся, но ей самой такое точно не приготовить никогда.

Есть и пить чай или кофе в отсутствие гостей они предпочитали на кухне. Впрочем, даже и с гостями уйти дальше кухни удавалось не всегда. Очень уж уютным был высокий стол из темного бука и такие же деревянные барные стульчики.

Алина налила себе и мужу эспрессо из кофеварки, блистающей полированными боками. Аромат кофе приятно защекотал ноздри, улучшая

настроение. Алина открыла холодильник и взяла с полки йогурт.

— Сема, иди, позови Вову, ему кушать пора.

Зубов обернулся к двери и зычно крикнул:

— Вовка! Есть иди!

Алина скептически взглянула на него. Вот же ленивый, как старый кошак!

— Сема, ты же знаешь, он так не придет, хоть год его зови. Иди, приведи его.

Но Семен сел обратно на стул и вдруг посмотрел на жену прямо и очень серьезно.

— Алиночка, а ты не думаешь, что у него что-то со слухом?

Ну вот опять! Как она устала от одних и тех же разговоров. Ну хотя бы раз можно перестать придираться к сыну? Она махнула рукой.

— Все у него нормально, обычный ребенок, просто упрямый очень и не говорит. Он же мальчик, они развиваются медленнее. Я сама за ним схожу.

В детской на полу Вова играл в любимые машинки. Все они были выставлены в одну прямую, идеально ровную длинную линию. Серьезный малыш лежал, практически вжавшись ухом в пол, напряженно вглядываясь в колесики последней легковушки. Шаги матери остались незамеченными.

— Вовик, идем покушаем. — Алина привычным жестом схватила сына за руку и потащила на кухню. Вова заорал, пытаясь другой рукой отогнуть пальцы матери.

«Каждый раз одно и то же», — подумала Алина. Но ведь это же обычный кризис третьего года

жизни, она читала об этом в интернете. Ребенку просто не хотелось прерывать игру, все дети так делают. Тем не менее поиграть всегда можно, а кушать надо вовремя.

Вова, оставив попытки высвободиться, стал с силой лупить себя ладонью по лбу.

— Быстро прекрати!

Она перехватила его вторую руку. Мальчик с силой вырывался и натужно гудел, краснея и покрываясь потом. Семен угрюмо смотрел на сына. Заметив его взгляд, Алина отпустила Вовку, приказав себе не нервничать. Он просто злится, как умеет, вот и все. Вова, кстати, не убежал в детскую, а сел за стол. Вот и хорошо.

За столом Алина решила перевести разговор на что-нибудь жизнеутверждающее. Положив мужу салат, она энергично спросила:

— Сема, а в какую школу мы Вовку отдадим?

Алина ловко впихивала в сына йогурт, его единственную любимую еду, ложку за ложкой.

— Ты его сначала есть научи самостоятельно, — засмеялся Семен.

— Что ты гогочешь, он умеет, просто мне так быстрее, и стол после еды мыть не надо, — выдвинула Алина привычное оправдание и продолжила: — Ну, в какую? Может, в математическую?

Математическая школа казалась ей самым сильным подтверждением исключительной талантливости ребенка. Все-таки гуманитарное образование не слишком практично, а вот из матшколы прямая дорога в университет. Да хотя бы

и на тот же химический факультет, где учился ее муж.

Семен глотнул чая, поднял брови и посмотрел на сына.

— На дзюдо его отдадим, вон какой здоровяк. Еще трех лет нет, а уже килограммов на двадцать потянет. И в кого только такой толстый?

Алина оценивающе посмотрела сначала на сына. На взгляд матери, Вова был очень красивый мальчуган. Его нельзя было назвать толстым, хотя он и был не по возрасту крупным. Особенно большой казалась голова. Эмоции же на лице чаще всего были простые, как у годовалого ребенка. Он или широко улыбался, или орал со всей мочи. В результате общее впечатление складывалось, что Вовик — это просто огромный годовалый карапуз.

Конечно, муж был совсем другой. Алина перевела взгляд на Зубова. Семен был лишь немногим выше ее, но стройный, жилистый. И смуглый. Ей всегда казалось, что папаша Семена был не без кавказских кровей. Да и необычное сочетание в его характере страстности и скрытности наводило на эту мысль. Но допытаться у свекрови, так ли это, никому не удавалось.

— Он вовсе и не толстый, — бросилась она на защиту, — просто высокий, как я. И мама говорила, что в детстве я была пухленькой!

Йогурт кончился. Вова слез со стула, ловко достал из хлебницы полбатона и убежал с ним обратно в детскую. Родители остались сидеть за столом.

— А еще он музыку любит, — спохватилась Алина, — помнишь, когда ему год был, он мог час

сидеть на одном месте и слушать Скрябина или Шопена.

Конечно, музыкальная карьера для мальчика — это непрактично. Но все-таки это тоже подтвердило бы гениальность сына, а уж в его гениальности Алина не сомневалась.

— Алиночка, ну чего мы сейчас будем о школе думать? Он у нас не говорит, сам не ест, не одевается, в подгузниках до сих пор. Ты бы, может, к врачу его отвела, на консультацию, — попросил Семен. Его пальцы бережно погладили руку жены.

— Да к какому врачу? — возмутилась она и вырвала руку. — Просто у него позднее развитие, и все. И ему еще только два года девять месяцев. Все дети развиваются по-разному. И вообще, сейчас дети стали позже говорить. Вон у Юльки младшенькой скоро два, а она тоже только «мама» и «отдай» знает.

Алина постаралась быстрее свернуть неприятный разговор.

— Кстати, я завтра к ней собираюсь. Не хочешь взять отгул и съездить с нами? — спросила она.

— Заинька, я бы с удовольствием к твоей сестре съездил, но завтра понедельник, у меня в «Норме» совещание, а Вове в сад надо, — закруглил разговор Семен и встал из-за стола. Алина растерялась. Только что ей казалось, что муж готов ради нее на все, но, когда дошло до дела, оказывалось, что последнее слово осталось за ним.

— Сад и прогулять можно. А совещание отменить, — закапризничала Алина. Семен приобнял жену чуть ниже талии и повел в гостиную.

— Ласточка, но ведь его Роман проводит, я не могу отменить, — Зубов начал уговаривать Алину.

— Давай тогда я позвоню Роману и попрошу! Мне он не откажет. — Она приосанилась и улыбнулась, стрельнув глазками. Ревность — это качество мужа всегда помогало ей в трудных ситуациях. Показать мужу, что его начальник к ней не безразличен, это беспрюирышный вариант. Семен схватил ее еще крепче.

— Не надо никому звонить. Алиночка, давай я в следующие выходные с вами съезжу.

Алина поморщилась: даже последнее средство не помогло.

— Вот еще, я не собираюсь так часто мотаться по всяким дачам. — Она плюхнулась на диван и скрестила руки на груди.

— Ну, не сердись, кисонька. — Семен привычно расплел ее руки и взял в свои ладони. Поцеловал кончики пальцев.

Послышался детский смех. Алина встала и выглянула в коридор. Вова шел на цыпочках, покачиваясь из стороны в сторону. Казалось, что он ловит руками в воздухе что-то невидимое, а оно никак ему не дается. Каждая попытка вызывала у него новый взрыв хохота. Мальчик смеялся все громче, никак не мог остановиться, даже прислонился к стенке, чтобы не упасть. Но это не помогло, и новый приступ хохота заставил его сползти по стене на пол.

— Первый раз вижу, что человек от смеха действительно не может устоять на ногах. Я думала, это преувеличение, — сказала Алина и улыбну-

лась. — Видишь, он обычный веселый малыш. Зря ты волнуешься.

Уже перед сном, лежа в кровати, Алина вдруг вспомнила. Ведь она уже видела такого человека. Это было несколько лет назад, когда она еще училась в универе и жила в убогой комнатухе общежития финэка, на Новоизмайловском. Именно в этой общаге Алина встретила первокурсника, который брел в свою комнату по мутному коридору, накурившись травы в мужском туалете. Его пробило на ржач, и, хотя он пытался держаться за облупленную стену, временами студентика складывало пополам, он валился на пол и неудержимо хохотал, водя перед собой руками — словно пытаясь поймать что-то невидимое. Алину, воспитанную довольно строго, это зрелище ужаснуло. Наркоманы казались ей ужасными заразными отбросами, недостойными внимания девушки. Так что она постаралась забыть тот случай как можно скорее. А теперь ее собственный сын ведет себя, как тот законченный наркоша. Почему?

Глава 2

Наутро, покидав пакеты с запасными детскими вещами и подгузниками в «мазду», Алина отправилась к сестре. Строго говоря, назвать Юлин дом дачей было нельзя. В отличие от Алины ни Юля, ни ее муж не стыдились своего деревенского происхождения, и жить в душном Петербурге они не захотели, а прикупили участок земли в Мариенбурге, неподалеку от Гатчины. И за несколько месяцев отстроили настоящий коттедж. Бревнышко к бревнышку — три этажа, и баню, и гараж, и сарайчики, и даже курятник. Успели отстроиться аккуратно перед кризисом. Юля уже была снова беременна, но даже и на сносях бегала, ловко распоряжаясь немногими помощниками. Никаких незнакомых рабочих они на участок не пускали, а попросили помощи соседей, с которыми быстро нашли общий язык. По гатчинским меркам дом был шикарный, но Алина, не признающая отныне ничего, кроме питерских евроквартир, Юлин дом снисходительно именовала дачей.

Дорога Вову интересовала. Он внимательно смотрел в окно, разглядывая колеса «КамАЗа»,

крутящиеся вровень с окнами «мазды», и грохочущий трамвай, и вывеску гипермаркета «О'Кей», и зазеленевшие тополя вдоль Киевского шоссе... Алина поглядывала на малыша, но ничего необычного не замечала. На подъезде к Гатчине сын задремал. Алина приоткрыла окно, и непривычно теплый апрельский ветер приятной нежностью окутал ее. Оделась она легко, практически по-летнему и даже несколько фривольно. Ей удалось себя почувствовать наконец-то женщиной, справляющейся с материнством играючи.

Подъехав к дому, Алина загнала машину во двор и попыталась разбудить сына, но он просыпаться не захотел, а только заорал, не открывая глаза. Привязанная у будки Клепа заходилась над-рывным лаем. Грекло солнышко, пахло теплой землей и первыми почками, но хорошее настроение, навеянное приятной поездкой, уже слетело с Алины. Она дала Вове сок в коробочке, чтобы он быстрее проснулся, но он отказывался выходить из машины. Однако и мать не отпускал, вцепившись в нее крепкими ручонками. В конце концов она отцепила его пальчики от своей одежды и оставила орущего во всю глотку младенца в машине одного, а сама пошла в дом.

Юля уже спешила ей навстречу, вытирая руки о передник, неудобно стягивающий большую грудь. Алина с легким превосходством оглядела сестру. По молодости Алина завидовала ее пышным формам, но с рождением каждого ребенка

Юлия все больше походила на деревенскую матрону.

— Бедный крошечка! Устал совсем от такой длинной дороги, — запрочитала сестра.

Алина поморщилась.

— Это я устала, а не он. От его капризов бесконечных скоро голова лопнет.

— Ну что ты, он же малыш! Не оставишь же ты его в машине?

Громкие вопли ребенка разносились по участку попеременно с истеричным лаем собаки. Алине больше всего хотелось развернуться и уехать назад домой. Там по крайней мере Вовка бы замолчал. Уселся бы на пол в детской, разложил свои машинки. И замолчал. Он мог бы сидеть так час или два, а она занялась бы привычными делами, поболтала бы по телефону или посидела в интернете. Нет, зря она сюда приехала, зря!

— Оставлю. Пусть сначала успокоится. Пойдем кофе сварим.

Юля с сомнением посмотрела на орущего племянника.

— Может, у него что-то болит?

— Да ничего у него не болит, все дети иногда так орут.

Юля с сомнением посмотрела на Алину.

— Ну, иногда орут, это да... Но в машине оставлять нельзя, жарко.

Алина со вздохом пошла к машине и стала вытаскивать вопящего раскоряку. Кое-как отодрав малыша от машины, она закрыла дверь. Вова, поняв, что обратно не попасть, схватил руку матери

и, подтащив ее к машине, положил ее кисть на ручку двери. Все это он проделал, продолжая надрывно визжать.

— Вот видишь, он показывает, что хочет в машину, — улыбнулась Юля.

Алина выдернула руку.

— Я и так знаю, что он хочет.

Юля задумчиво посмотрела на кричавшего Вову и сказала:

— Пойдем в дом, может, и вправду сам успокоится.

Из дома выбежал Олег, старший из Юлиных сыновей. Укороченные папины джинсы, натянутые почти до груди, были ему велики, вид у Олега был весьма комичный.

— Мам, я к Мишке побежал, мы на озеро пойдем.

— До обеда чтоб дома был!

— Ага, — бормотнул Олег и побежал к соседнему дому.

— Взрослый стал совсем! — удивленно заметила Алина. — Какой класс?

— Уже четвертый заканчивает.

— Да он уже с тебя ростом!

Юля довольно улыбнулась.

— А где остальные?

— Коля поехал в Гатчину в магазин наш, там продавца уволить надо, а Игореша и Ляля завтракают. Да идем в дом!

Алина пошла за ней, оставив сына сидящим на траве. Навстречу выбежала племяшка, которую

родители назвали Юлей в честь мамы, а дома называли Лялечкой.

— Она у тебя так и не говорит? — осторожно уточнила Алина у сестры.

— Да, что-то у нас задерживается, братья уже стихи рассказывали в два года. Зато все дела у нас только на горшок, даже на ночь памперсы больше не надеваю.

Ляля обрадовалась Алине, схватила ее за руку и потащила в детскую. Там она стала выразительно тыкать пальцем на смятое одеяло на кровати и выжидающе смотрела на тетку.

— Что там у тебя такое? Ну-ка, посмотрим давай. — Алина подошла и приподняла розовенькое одеяльце. Там лежал мишка, завернутый в пленку. Ляля довольно расхохоталась, схватила мишку и побежала на кухню, потянув за собой Алину. На кухне их поджидала Юля. Светлая кухня была залита нежным апрельским солнцем. Завтрак сестренка предпочитала делать такой же, как делала мать: жаристый бочок гренок, пропитанных смесью молока, яйца и сахара, просился в рот, несмотря на откровенную калорийность. Чайник со свежезаваренным чаем соседствовал с банкой, в которой плавали лохмотья чайного гриба.

— Фу, как ты можешь пить эту гадость, — поморщилась Алина, с отвращением глядя на гриб.

— Нормально. От жажды самое то, — ответила Юля, не отворачиваясь от плиты.

Потом они сели за стол и начали трапезу. Юля время от времени помешивала суп в сверкающей кастрюле, Ляля старалась впихнуть кусочек гренка

в мишку. Игорю было поручено чавкать, озвучивая мишкину трапезу. Алина не могла есть, она прислушивалась к затихающим во дворе воплям.

Как вот Юля справляется с тремя? С рождением ребенка жизнь Алины стала похожа на непрекращающийся кошмар, на каторгу, на которую за какие-то грехи ее пожизненно сослали.

Во дворе воцарилась тишина. Вова так и не появился в дверях, поэтому Алина, не выдержав, встала из-за стола и вышла во двор. Сын уже не лежал на траве, а дополз до небольшой горки свежей земли и сидел на ее вершинке. Он набирал в горсть землю, тщательно разглядывал ее и медленно, струйкой выпускал ее из кулачка. Рот его был перемазан землей. Алина схватила Вову, с силой стала выковыривать землю изо рта, потом, сообразив, потащила его в дом. В ванной уже заметила, что Вова наложил полный подгузник вонючего поноса. Алина с остервенением стала сдирать с сына грязную одежду, мыть руки, рот, попку... Она боялась поноса, боялась дизентерии, боялась инфекции...

И еще она очень боялась того, что никогда не произносила даже мысленно.

Это никогда не кончится. У других дети вырастут, пойдут в школу, институт, женятся, родят своих детей. А ее Вова будет сидеть на куче навоза и тащить горсть за горстью в рот. Когда она ехала сюда, она хотела посмотреть на Ляльку. Хоть та и на год младше, но ведь тоже не говорит. Только теперь Алина сильнее видела разницу. Да, Ляля

не говорила, но она общалась, она играла, она вовлекала в игру всех, и уж совершенно невозможно было представить ее сидящей на грязной куче с набитым всякой дрянью ртом.

Конечно, надо что-то делать. Юля молчит, но теперь Алина видела, как сестра смотрит на ее ребенка. Конечно, добрым и ласковым взглядом — Юля по-другому не умеет, но смотрит, как на забавного щенка, который весело скачет и грызет хозяйский тапок.

— Ты думаешь, с ним что-то не в порядке? — слова вырвались у Алины сами собой, она даже их испугалась, но, тем не менее, продолжила: — У тебя же трое, ты можешь сравнивать.

— Ну, дети все разные... — начала Юля, вешая на крючок банное полотенце.

— Не надо мне этого, про разных. Ему летом будет три. Он похож на трехлетнего, скажи мне?

— Алина, но ведь ты водила его к врачам, а я не врач...

— Юля, скажи мне, что ты думаешь, ты же мать!

— Ну... скажем так, если бы это был мой ребенок, я бы искала врача, который объяснил бы мне, что происходит... пока не нашла того, чья версия бы меня устроила, — уклончиво ответила Юля.

— Вот! Теперь спасибо!

Алина уверенно домыла, вытерла и передела молчавшего Вову. Она отвела его в детскую и там высыпала перед сыном целую коробку цветных кубиков и колечек от пирамидок. Вовик сразу же начал перебирать и расставлять их в каком-то ему одному известном порядке.

Алина вернулась на кухню.

— Ну, пойдём теперь кофе пить, — позвала она Юлю.

Алине показалось, что план действий намечен, и это восстановило иллюзию, за которую она так сильно цеплялась. Все будет хорошо!

* * *

Алина не стала откладывать выполнение своего плана в долгий ящик. Она узнала телефон логопеда у остеопата, к которому они ходили в прошлом году и которого им рекомендовали как чрезвычайно эффективного. Хотя врач не особо им помог. Зато теперь она умела огрызаться в комнате ожидания на «успокойте вашего ребенка». Однако было решено, что кое-какой результат есть.

Записалась она на пятницу и, слегка успокоившись, начала прикидывать срок выхода на работу. Но уже в ночь на вторник случилась новая неприятность. Вова вдруг надрывно закричал посреди ночи. То ли после поездки на дачу, то ли от съеденной земли. Бесконечные поносы не позволяли понять, все ли с ним в порядке, проблемы ли с кишечником, или возникло что-то новое, более страшное. Хотя Вовка и был любителем поорать погромче, но так сильно и пугающе он раньше не кричал, а вообще-то спал подолгу и крепко как ночью, так и днем. Впрочем, пару раз, заходя в детскую ночью, Алина замечала, что Вова не спит, а просто лежит, глядя в мерцающие маленькими цветочками потолочные лампочки. Может,

он потому спал так долго по утрам, что на самом деле не мог уснуть?

Она услышала его истошный крик и пошла успокаивать, думая, что он упал и ушибся. Но сын кричал, лежа с закрытыми глазами. Без слез, без движения, будто от страха. Алина подумала, что у него что-то болит, но он не крючился, не держался за больное место, не тряс головой. Его крик жил будто отдельно от тела. Крик сам по себе, Вова сам по себе.

Алина попыталась его взять на руки, но он не хотел на руки. Не открывая глаз, он продолжал надрываться, отталкивая руки матери. Алина начала трясти его, чтобы разбудить, но это не помогло. Она сама стала кричать ему в ухо «проснись, проснись!». Она все же схватила его и потащила, вырывающегося, в ванную, умыла лицо. Попробовала пару легких пощечин. Вова не просыпался, не открывал глаза, он просто кричал в пустоту, останавливаясь, только чтобы набрать в легкие воздуха, и снова закатывался дикими рыданиями. Алину начала захлестывать паника. С ребенком на руках она вошла в спальню, злясь, что Вовин крик не мешает мужу спать. Семен поднялся и лишь встал недовольно рядом, даже не пытаясь помочь. Алина пыталась укачивать сына, пыталась прижимать к себе, положила на постель и легла рядом... Все без толку. Вова размахивал руками, отталкивал ее ногами и кричал, не открывая глаз. В конце концов нервы сдали. Алина стала трясти сына и орать ему в ухо: «Заткнись! Надо спать, спать, понимаешь!» Он зарыдал еще

громче и вдруг затих, расслабился и поник всем телом. Семен снова лег в кровать и мгновенно уснул. Алина отнесла Вову в его постельку и долго еще стояла рядом, глядя, как он засыпает, временами пугающе взрыдывая, и, замолкая, начинает глубоко дышать.

Алина пошла в спальню, хотела было возмутиться, что Сема совсем ей не помог этой бешеной ночью, но почувствовала, что сил для скандала совсем не осталось. Она взяла мужнины сигареты и вышла на лоджию. Ночной город с высоты седьмого этажа поразил ее. Свежий воздух, далекие отблески фонарей. Ночь казалась отстраненной и бесконечной. Она закурила и, закашлявшись, кинула сигарету вниз, наблюдая за полетом тлеющего красного светлячка. Раньше она так любила ночь! Сидеть не могла на месте, ей нужно было куда-то ехать. И плевать, что завтра на работу! Если Сема не мог, она брала с собой Анастасию. Еще с институтских времен подружка не могла ей отказать в совместных танцульках. Жаркие ночи студенческой молодости они протанцевали в ночных клубах, очередная авантюра забрасывала их то в «Тоннель» с капающими трубами, то на роскошный танцпол «Луны». Ночь — это время без правил, полная свобода и сюрпризы. Как случилось, что теперь она думает только о том, чтобы лечь спать пораньше? Разве теперь у нее впереди только радикулит и раздутые вены? Нет, она не должна так жить, она должна вернуть эту ночь, этот счастливый воздушный полет

над миром. Она позвонит Стасе, и завтра же они пойдут танцевать.

Но назавтра Стася не могла пойти, а ночью, ровно в полночь, Вова снова заорал благим матом, и не было никакой возможности его успокоить или хотя бы разбудить. Алина просидела с ним два часа на крышке унитаза, укачивая под шум льющейся из крана воды, пока Вова не забился сном, вздрагивая и всхлипывая. Семен не проснулся.

Затея с танцами была отложена на неопределенное время и погребена под толстым ворохом каторжных материнских и семейных проблем, как и все прежние ее девические увлечения, которые Алина пыталась вернуть в свою теперешнюю жизнь.

* * *

Та пятница потом вспоминалась Алине как сплошной кошмар. Прежде всего Семен, на которого рассчитывала Алина, ранним утром уехал на какую-то лицензионную комиссию. Она собирала Вову в садик, и он, в который раз, отвоевал свое право надеть меховые зимние ботинки, хотя за окном светило яркое апрельское солнце. Сад у них был самый простой, по месту жительства. Станный выбор для Алины, желающей всегда всего самого лучшего. Но, во-первых, сад был в соседнем дворе, близко водить, к тому же в саду был даже бассейн, а во-вторых, хорошая репутация этого дошкольного учреждения перевешивала сомнения.

Вова никогда не скандалил по дороге в сад. Молча шел, просунув ладошку в Алинину руку, не глядя по сторонам. Только приближаясь к садику, вырывал руку и, переваливаясь, бежал к калитке.

Сегодня все было как обычно. Алина прибавила шагу, спеша за убежавшим в коридор сыном. В нос ударил запах подгорелого молока. Вова стоял возле шкафчика с одеждой и выжидательно смотрел на него. На вошедшую мать он даже не обернулся. Алина привычным порядком раздела его, торопливо зачихнула зимние ботинки в шкафчик и повела Вову в группу. Воспитательницы обычно ничего не рассказывали ей. Алина спрашивала их: «Как, все в порядке?» Они неизменно отделялись стандартными жалобами: плохо ест, не хочет лепить. Алина удовлетворялась этими ответами, так как ел он и дома плохо, а лепить — вот глупость какая! Зачем это вообще нужно? Это же ясли, что уж такого может вылепить маленький ребенок?

Однако сегодня новая воспитательница, веселая толстая тетка, с разваливающимися химическими кудрями, дала ей полный отчет:

— С детьми не играет! Вообще не играет. Только сидит тихо в углу с машинкой. Я никак пойму, почему раньше никто не обратил на это ваше внимание! Зову — не отзывается. Команды мои не выполняет. Вчера всю прогулку сыпал песок из руки стружкой. Все время! Все полтора часа! Вы слышите? Я сообщила главной медсестре. Вы должны проверить слух и сходить к невропатологу.

Принесите справку, что ребенок здоров и может посещать детский сад.

Алина растерялась от словесной атаки добродушной воспитательницы. Она повела в воздухе рукой, как будто пытаюсь отмахнуться от мухи, и, запинаясь, ответила:

— Да, я, конечно... вот как раз сегодня к врачу идем. По поводу речи.

— Ах, сегодня? Отлично. А во сколько?

— В два часа.

— Так, тогда забирайте его в двенадцать. Потому что посреди сна дневного будить нельзя. Да и у него еще голосище! Вчера пытались его на горшок посадить — две соседние группы сбежались. Ни к чему мне, чтоб он все ясли перебудил, труба иерихонская!

Алина кивнула и поспешила ретироваться. Вообще-то она была бойкая, за словом в карман не лезла и поначалу все советы по поводу Вовы смело отправляла в лес вместе с советчиками. Однако последнее время какая-то такая тоска, даже не тоска, а какое-то предчувствие брало ее за горло, да так, что она терялась, тушевалась и мямлила в ответ что-то невнятное.

Алина побрела домой, мысленно перебирая предъявленные воспитательницей жалобы.

Не играет с детьми. Ну так ведь это их воспитательская обязанность — увлечь детей, чтоб играли. Конечно, группа большая, он мальчик тихий, вот и забросили его.

Песочек сыплет. Ну так концентрация хорошая. Разве лучше было бы, чтоб он носился туда-сюда

и орал как бешеный? Хотя, конечно, орет Вова знатно. Характер у него такой.

На имя не отзывается. Это да. Это она замечала и дома, но списывала это на его погруженность в занятия или на хитрость. А может, и правда что-то со слухом? Ладно, вот сегодня логопед все и расскажет!

Подходя к подъезду, она увидела консьержку, радостно машущую рукой. Рядом стояла молоденькая девушка в милицейской форме.

— Да вот же она, Зубова! — энергично показала консьержка на Алину. — А мы вам звоним, звоним.

— Инспектор по делам несовершеннолетних, Марина Чибур. Вы Зубова Алина Ивановна?

Алина автоматически кивнула и невольно удивилась: такая молодая, а уже инспектор. Совсем девочка, только косичек не хватает, не иначе как сразу после школы остригла.

Инспектор продолжила:

— Давайте к вам в квартиру поднимемся, будет удобнее.

Алина почувствовала внутри слабое оцепенение, переходящее в панику. Что еще могло случиться, ведь она только из сада, с Вовой все в порядке... какие такие еще несовершеннолетние? Консьержка проводила их жадным взглядом до лифта и, заинтригованная, вернулась в служебную каморку наблюдать по телевизору очередные сериальные страсти.

Алина не могла попасть ключом в замок, но даже когда попала, ей никак не удавалось ровно провести им по всем бороздкам.

— Да вы не волнуйтесь, сейчас со всем разберемся.

Услышав эту реплику, знакомую по разговорам с гаишниками, Алина приободрилась и даже осмелилась спросить:

— А в чем, собственно, дело?

На этой фразе ключ пронзил замок, и Алина влетела в прихожую, как в спасительную гавань.

Марина с любопытством рассматривала квартиру. По роду службы чаще всего она входила в квартиры со свисающими обоями, желтыми потолками, видела засаленную мебель и детей, спящих на грязных матрасах, брошенных прямо на пол. Не часто она попадала в хоромы с напольными вазами в прихожей.

— А ничего, дети не разобьют? — спросила она, с любопытством потрогав огромный кувшин.

— Это чеканка по латуни, — ответила Алина и, глянув на Маринино лицо, уточнила: — Не разобьют, они железные.

Алина повела инспектора в гостиную, по пути мысленно проклиная вазы. Из-за них теперь инспектор решит, что они купаются в деньгах. На самом деле квартиру Семен брал в ипотеку, ремонтом занималась знакомая, начинающий дизайнер, которая, узнав, что в квартире только голые стены, упростила Семена отдать квартиру ей на растерзание ради будущего портфолио. И вазы эти она притащила откуда-то со старого чердака, заявив, что они будут «последним изысканным штрихом».

До сегодняшнего дня у Алины не было повода об этом жалеть. В общем-то справедливости ради надо сказать, что работа ей удалась. Квартира теперь казалась одновременно и стильной, и роскошной.

Марина не стала погружаться в обитые тканью кресла, а примостилась у секретера и открыла тоненький портфельчик.

— Дело вот в чем... — начала инспектор и вытащила из черной папки тоненький листочек бумаги.

Глава 3

Семен сидел в лаборатории, разглядывая пару белых кроликов. Зверушки выглядели совершенно здоровыми, но, не полагаясь на их внешний вид, он каждый час измерял им температуру: все-таки разработка нового препарата должна идти по всем правилам, даже если это всего лишь очередная вариация валидола. Однако все действия Семен выполнял скорее машинально. Он не видел ни кроликов, ни бланка испытаний: опершись локтями о стол и подперев голову, Семен уставился в беленую стену. Не беспокоило его и то, что надо было идти к Роману.

Роман Галль вызывал Семена еще вчера, но настроения вести разговоры о текущих делах не было, да и речь вряд ли шла о чем-то важном. Сегодня ему тоже было не до Романа — Семен собирался взять день отпуска и поехать с Алиной к врачу. Он, конечно, волновался за сына, но куда больше его тревожила жена. С первого дня, с того самого дня, как он встретил Алину, он решил, что будет до конца дней своих оберегать ее от всего, что может ей навредить. Семен даже сам не ожи-

дал от себя такого чувства. С годами оно не угасло, а только расцвело новыми красками, стало сильнее и острее.

В тот день, когда Семен впервые увидел Алину, все складывалось в гармоничный танец. Погода, солнце, настроение. Студент химфака, он досрочно сдал сессию, но последнюю подпись нужно было получить от преподавателя по философии, который не ездил в Петродворец, где расположен был химический факультет, а предпочитал бывать в Двенадцати коллегиях. И студентов отправлял туда же. Из Коллегии Семен вышел довольный, помахивая зачеткой, и вдруг увидел ее. Она сидела на скамейке: облако белых кудрей, парящее под порывом ветра, остренькие сосочки, торчащие сквозь легкую маечку, бесконечная линия ног... Он подошел ближе, зачарованный, как кролик к удаву, — и она проглотила его.

Семену до сих пор было трудно отвести взгляд, стоило ему увидеть ее. Уже тогда ему показалось, что в мире нет ничего достойнее для любования.

В тот весенний день она была не одна, а с какой-то подругой, кажется с Анастасией. Да, точно, с ней. Стася курила, и он ничего лучше не придумал, как сообщить им, что курить вредно, причем пассивные курильщики страдают не меньше. Девушки, наверняка слышавшие эту расхожую ремарку сотню раз, снисходительно улыбнулись. Алина сообщила, что она не может курить пассивно, потому что она ничего не делает пассивно. Семен оценил ее находчивость.

Выяснив у девушек основные сведения: финансово-экономический университет, не замужем, не местные, Семен ловко повернул разговор на жизнь в студенческом городке в Петродворце, который сокращенно назывался ПУНК. Девушки заинтересовались и фонтанами, и новыми общежитиями, а больше всего тем, что на десять парней в ПУНКе приходится только одна девушка, да и ту с трудом можно отличить от парня. С того дня подружки стали завсегдаятами в ПУНКе, Стася скоро вышла замуж за Костю, однокурсника Семена. А сам он все свои помыслы и дела развернул навстречу Алине. Он понимал, что не произвел на нее должного впечатления. В том не было ее вины. Бриллианту нужна оправка. Главное — не торопиться. Семен видел, какими взглядами провожали ее мужчины. «Смотрите, смотрите, — думал он, — роняйте слюни, она будет только моей».

Сразу после окончания химфака он забросил науку, хотя его дипломную работу горячо рекомендовали к печати. Из-за этого пришлось выдерживать немалый скандал с матерью — она уже начала обо всем догадываться.

— Всю жизнь разрушишь из-за юбки! — истерично кричала она, но ничто уже не могло сдвинуть его с избранного пути. В чем смысл жизни, если не любоваться ее светлыми кудрями и стройными ногами? Не вдыхать едва заметный кардамоново-мускусный запах ее кожи? Зачем тогда просыпаться по утрам?

Получив диплом, он ушел работать в «Норму». Сначала медицинским представителем, а потом,

когда главным на фирме стал Роман, воспользовался полученным образованием, чтобы перейти в исследовательский отдел. «Норма» была отделившимся от фармацевтического завода исследовательским бюро, патентующим формулы новых лекарств. Новые мало чем отличались от старых, но зато патенты удавалось продать другим фармзаводам, а с этого капали вполне реальные деньги.

Семену, вдохновленному любовью на подвиги, пришла в голову гениальная идея. Побегав медпредом, он действительно стал понимать нужды и особенности фармацевтического рынка. После перевода в исследовательский отдел Семен разработал и запатентовал семидесятипроцентную настойку женьшеня — серьезного конкурента пресловутого боярышника. Он даже тестировал новое зелье исключительно на вкусовые качества. На этикетке самым крупным шрифтом, который позволяло законодательство, напечатали: 70% спирта. Результат превзошел все ожидания. Конечно, долей в патенте пришлось делиться, но, когда была запущена новая позиция, да еще и сразу на нескольких заводах, деньги потекли широкой полноводной рекой. Вот тогда и настало время для плановой осады Алины.

На все про все ушло несколько лет. Но Семен не боялся опоздать, наоборот, долгосрочные планы были его сильной стороной. Он знал, что держит ситуацию под контролем, делал все для решительного штурма и не оставил Алине ни малейшей

лазейки к отступлению. Квартира — прежде всего. Алина иногородняя, значит, будет особенно ценить мужчину обеспеченного, с хорошим жильем. Он не считал подобные намерения предосудительными, напротив, такая рассудительность казалась ему достоинством настоящей женщины, которая имеет право выбирать среди многих столь же достойных мужчин. И выберет она его.

Квартиру Семен взял строящуюся, в кредит, еще кучу денег угрохал на ремонт. Деньги кончались, и он упрашивал Ленку-дизайнера, чтобы она взялась за обустройство квартиры, убеждал, что ее работа будет отличным шансом для индивидуального портфолио, так как он предоставит ей полную свободу действовать. Ленка ломалась, все-таки ее профессия востребована людьми, способными адекватно платить за дизайн интерьера. Но потом сжалилась, согласилась и даже взяла на себя организацию закупки и доставки стройматериалов. Позже, проглядывая счета, Семен понял, почему она согласилась, но идти на попятную было уже поздно, да и результат, несомненно, мог впечатлить не только молоденькую провинциалку, но и привередливую петербурженку.

Дальше все было просто. Алина и Анастасия окончили свой экономический факультет и с удовольствием воспользовались намеком, что в «Норме», кровь из носу, нужны две бухгалтерши. Долго убеждать Романа в этом не пришлось, хотя до этого их старенький главбух один вполне

справлялся с работой. Однако главбух давно просился на пенсию, и ему пообещали отвальную с почетом, как только он поднатаскает очаровательных молодых сотрудниц. Семен и Алина стали коллегами. Тут уж он развернул широко-масштабные ухаживания. Надо сказать, что он не любил ни клубы, ни дискотеки, сам не танцевал, стоять в прокуренном помещении и смотреть на веселящихся людей не любил. Так что танцы, которые обожала Алина, оставались ее и Анастасии мероприятием. Но он и не возражал: девчонки — подружки, у них и должны быть девчачьи развлечения. Но все остальное Семен взял на себя. Часто после работы он организовывал для нее настоящий петербургский досуг. Иногда интересный интерьерный ресторан, иногда Мариинка, особенно балеты, их Алина обожала больше всего. Семен не оставлял Алину в одиночестве и по субботам. Зимний дворец, Петропавловка, весной и летом — Гатчина и Пушкин. Обязательно. Или, на крайний случай, Кронштадт, который только-только открыли.

Между ними ничего не было, первые полгода они даже не целовались, так что у нее не было шансов ему отказать. Он стал ей другом, надежной жилеткой, крепкой опорой. Он знал о ее жизни все. Теперь было пора переходить ко второй части.

Решающий шаг он сделал в сентябре, почти через год работы в «Норме». Он пригласил ее к себе. Жил он по-прежнему у мамы, но в тот вечер все было готово к ужину на новой квартире:

шампанское, креветки в кунжуте, сырное ассорти, фрукты, мороженое. После волшебного ужина он предложил Алине посмотреть квартиру, повел ее в спальню и там, упав на колени, сделал предложение, эффектно открыв лежащую на кровати бархатную коробку с колье из белого золота.

Она не устояла. Сначала ахала и охала, потом воскликнула: «Семчик, милый, конечно я согласна». Надела колье, бросилась к зеркалу. Он уже не мог больше сдерживаться. Почти на законных правах он схватил Алину жадными руками так крепко, что она ойкнула, и повалил на кровать. Потом он узнал, что от крепких мужских пальцев у нее на коже остаются противные синячки, и научился быть аккуратнее. А тогда он ни о чем не думал, он хватал ее всю и целовал, всю целовал, спину, ладошки и ступни. Вроде даже срывал одежду, хотя этого он не помнил, но зато помнил, как увидел Алину обнаженной и замер. Ему хотелось, чтобы этот миг продолжался вечно. Каждая линия ее тела была безупречной. Груды, смело торчащие остренькими сосками, абсолютно плоский живот, плавные бедра, и там, куда наконец опустился его восторженный взгляд, все было гладко и открыто. До сих пор почему-то все женщины, которых он так или иначе видел голыми, имели какую-то растительность, скрывающую лобок и все остальное самое интересное. Но Алина была как мраморная статуя, безукоризненно гладкая и молочно-белая. У него не было опыта с женщинами, он даже не мог представить себя с кем-то кроме нее. И он

набросился на завоеванную Алину, забыв про заранее приготовленные презервативы, и вообще про все на свете...

По заметным признакам через несколько минут он понял, что она тоже была девственницей. И этот факт поднял его на немыслимую вершину блаженства, и гордости, и признательности ей. Он, и только он обладал ею! Так часто он видел взгляды, которые бросали на Алину другие мужчины, жадно ощупывающие, тайные или, наоборот, неприкрытые. А она его, только его, теперь уже навсегда. Только он может каждый день целовать этот сосок, ощупывать губами натянутую кожу живота, гладить безупречные ноги.

Алина переехала к нему до свадьбы. Семен взял на себя все свадебные хлопоты. В ноябре они поженились и уехали в Испанию — классический медовый месяц. Вот оттуда Алина и привезла в животике Вовку.

Мысли Семена снова вернулись к сыну. Не стоит откладывать визит к врачу, нужно узнать, все ли в порядке с малышом. Хотелось надеяться, что все обойдется. Но надо пойти уже и к Роману, предупредить, что сегодня после обеда дела.

Зубов записал последнюю кроличью температуру и с задумчивой улыбкой пошел к кабинету Галля. Яночка, сидевшая за секретарским столом, являлась скорее первым и главным помощником Романа, чем секретаршей, посмотрела на него серьезно и молча мотнула головой в сторону двери. Семен заподозрил неладное: обычно Яна была

куда разговорчивей, но спрашивать ничего не стал, сразу прошел в кабинет.

— А, Зубов, наконец-то! — Роман поднял голову от огромной кипы бумаг. Кипы эти были повсюду, сколько Семен помнил. Хотя надо думать, что старые документы время от времени разбирались и отправлялись в архив или попросту выбрасывались, но на их месте нарастали новые. Иначе уже скоро было бы нельзя даже зайти в кабинет, не ступив на очередную бумажную кучу.

— Патент на женьшень станет с первого мая открытым. Больше мы с него ни копейки не получим, — с места в карьер объявил Роман.

Семен остолбенел. Он уже привык к безбедной жизни и не мог вспомнить, как оно было тогда, до женьшеня. Да и кредит на квартиру еще не выплачен.

— Как? — выдавил наконец он.

— Так, — бросил Роман, — что-нибудь другое давай думай. Идеи, нужны идеи!

— Но... почему? — Семен никак не мог поверить в происходящее.

— По решению суда. Ладно, вопрос закрыт. Иди работай!

Семен побрел в лабораторию, стал дергать дверь, которая почему-то оказалась закрыта, стал рыться в карманах в поисках ключа, опять дергать дверь, пока проходившая мимо уборщица баба Таня не сняла ключ с гвоздика рядом с косяком и не отперла ему дверь. Он сел за стол и уставился на кроликов. Случившееся никак не укладывалось в голове. Надо было что-то делать, но он

не мог. Ему казалось, что голова его протекла сквозь руки на стол и поэтому этой головой так трудно думать. Он смотрел в стол в надежде разглядеть там, в уплывшей голове, какие-нибудь умные мысли. Как-то надо было выкручиваться, что-то делать. Второго женьшеня уже не создать, понятно, сейчас уже лавочка прикрыта. Но суд? Что с ним? Может, нужно что-то опротестовать? Почему он не был на суде? Да он даже не знал о нем! Так, нужно срочно выяснить все детали. Семен вскочил из-за стола и вылетел из лаборатории. Надо срочно все узнать, все до мельчайших деталей.

Предполагаемый визит с женой к врачу ему даже не вспомнился.

Роман знал, что Семен сейчас мечется по фирме, дергая вопросами и прожженного юриста, и надменную начальницу отдела маркетинга, и Анастасию, оказавшуюся прекрасным главбухом, заменившую подслеповатого старичка, и даже лаборантку Лену. Семен дергал бы и самого Романа, но директор предусмотрительно строго-настрога запретил Яне пускать его в кабинет. Он и так тянул до последнего с этой информацией, опасаясь, что Семен ринется очертя голову отстаивать свои права и сведет всех с ума. Пусть уж привыкает теперь задним числом. Конечно, Роман с удовольствием работал бы по женьшеню и дальше, но вопрос стоял всерьез: если бы патент признали незаконным, бюро пришлось бы закрыть по процедуре банкротства из-за гигантских долгов фармацевтическим

заводам. Ловкий адвокат, нанятый «Медифармом», поправлял галстук и вещал убедительно: «Патентовать спиртовые настойки — это все равно что патентовать строительные каски или коробки спичек!» Чудом удалось прийти к соглашению о добровольном открытии патента. «Норма» была спасена, а вот личные доходы отдельных сотрудников теперь сильно упадут. И главным образом пошатнется финансовое благополучие Семена.

Этот вечный везунчик всегда отхватывал лучшие куски. Даже в жены ему досталась первая красавица факультета. Теперь Семену придется понять, что жизнь состоит не из одних пряников. Он по-человечески сочувствовал коллеге, однако скандалы и истерики не любил, а потому совершенно не желал видеть кричащего Семена в своем тихом кабинете. «Как хочешь, хоть грудью ложись!» — заявил он Яне, на что помощница многозначительно улыбнулась.

«И эта туда же», — с досадой подумал он. Галль не имел ничего против романов на работе. Высокий и элегантный, он легко получал приятные радости даже в офисе. Но Роман совершенно не любил все, что к ним прилагалось. Вдохновленная случайным сексом сотрудница начинала считать, что у нее есть право на перепады в настроении, на ехидные реплики в адрес других женщин, на специальное выражение лица при задержке на работе позже восьми вечера. А для Романа было важнее не потерять ее как сотрудницу, все-таки дело в первую очередь, так что и с выходками приходилось мириться.

Иногда он задумывался о семье, но так и не мог найти доводов «за». Полная свобода, размеренный быт, все вещи на своих местах. Даже если эти места оказывались не самые подходящие, он к ним уже привык и не хотел ничего менять. Иногда он мог, зайдя домой, не сняв ботинок и шапки, есть, достав еду из холодильника. Или ходить по квартире кругами до пяти утра, обдумывая рабочую проблему. А появится жена — к ней нужно будет привыкать, выполнять ее просьбы, идти на компромиссы, без которых семьи не бывает. Зачем вообще жениться? И главное, ради чего? Чтобы не платить приходящей раз в неделю домработнице? Роман мысленно перебрал возможные аргументы, раскладывая их по полочкам, так же как поступал всегда при решении сложных задач. Хм, дети... Да, вот об этом, пожалуй, надо подумать отдельно! Но не сейчас, через годик-другой. А пока есть дела поважнее.

Роман оглядел заваленный стол. Надо бы разобрать и половину выкинуть. Хотя никогда не знаешь, какая бумажка вдруг понадобится. Он вздохнул, взял кипу чудом не рассыпавшихся документов и решительно переложил ее прямо на пол.

Глава 4

— **В**от, ознакомьтесь. — Инспектор протянула Алине листочек, исписанный мелким почерком. Алина начала читать и остолбенела. Соседи снизу, сверху и через стенку, во главе с замухрышкой Козловой, написали на нее заявление в милицию! Козлова была бездетной женщиной лет сорока, со следами тяжелой жизни на лице и явными признаками злоупотребления алкоголем. По крайней мере, так показалось Алине, когда соседка впервые остановила ее у подъезда, выяснив номер квартиры Зубовых у консьержки. Тогда ее обвинения показались Алине смехотворными: мыбра эта не может спать из-за того, что Алинин ребенок слишком громко кричит по ночам.

— Здесь у нас приличный дом, — шипела Козлова, — не какой-нибудь бомжатник! Я не позволю такого! Я напишу на вас заявление — все соседи напишут. Найдется и на вас управа.

Алина слушала ее вполуха, мало ли что эта психованная с похмелья наговорит, но теперь она поняла, что соседкины угрозы не были пустым звуком. Алина пробежала взглядом по списку

жалобщиков. Не то чтобы она поддерживала особо отношения с соседями, но все-таки в лицо все друг друга знали, в лифте здоровались. И вдруг прямо удар в спину! Стало еще обидней. Алина постаралась успокоиться, сложила бумажку пополам. Сейчас она скажет этой милиционерше все, что думает. Алина открыла было рот, но инспектор Чибур, заметив выражение ее лица, не предвещавшее ничего хорошего, быстро продолжила:

— Заявление было передано вашему участковому, он дал мне полномочия для проверки по подозрению в жестоком обращении с детьми. Но я вижу, что вы женщина порядочная, дома у вас чисто. Мы вот что сделаем: вы напишете заявление, что у вас ребенок болен, ночью у него кошмары, вы обязуетесь его лечить, мы эту объяснительную предъявим заявителям в подтверждение принятых мер. Так положено.

— Он не болен! — жестко ответила Алина, забыв, что еще вчера ночью ей казалось, что Вове пора вызывать скорую, если он не замолчит.

— Хорошо, напишите «сверхвозбудим», — быстро сориентировалась инспекторша.

Алина хотелось поскорее покончить с этим делом, она не стала больше возражать и села писать. Всей своей сутью Алина понимала, что страдать должна змеюка Козлова, маленький ребенок ей, видите ли, спать мешает! Это соседка должна писать объяснительные за свой гнусный донос, а не она, Алина, которая бы счастлива была, если бы Вова был здоров и она могла спать каждую ночь, как прежде. И тут Алину словно током дернуло.

«Если бы был здоров? А что, он болен?» Но думать об этом сейчас было некогда. Накарябав писульку, Алина отдала ее инспектору Чибур и выпроводила ее из квартиры.

Теперь она «под колпаком»! Страх, какой-то липкий и тяжелый, охватил ее. Если уж милиция заинтересовалась твоей персоной, просто так тебя в покое не оставят, думала Алина, в кино, по крайней мере, всегда так.

Пометавшись по квартире, Алина решила позвонить Семену, все равно уже пора было забирать Вову и собираться к логопеду. Тут выяснилось, что неприятности действительно приходят все сразу, только успевай отворять ворота. Семен наотрез отказался ехать к врачу. На секунду Алине показалось, что он вообще забыл про их договоренность, но вроде дело было в каком-то форс-мажоре. Муж говорил «солнышко» и «заинька» чаще, чем обычно, и через пару-другую минут свернул разговор. Алина расстроилась еще сильнее. Она как раз собиралась сбросить с себя неприятный осадок от жалобы соседей, рассказать обо всем Семену, но про милицию ей даже слова не удалось вернуть. Кроме того, ей показалось, Семен не слышал даже и того, что она успела сказать. Заехать за Вовой в сад девушка решила сразу на машине. И тут же вспомнила, почему так упорно вчера просила мужа отвези их: ее «мазда» утром категорически отказалась заводиться и была отбуксирована в автосервис. Алина бросилась звонить туда, но ее ждало еще одно разочарование: машина не готова. Алина была на грани отчаяния: ей хотелось сесть

в коридоре на крохотную плетеную лавочку и рыдать, пока какой-нибудь спаситель не вытащит ее из этого кошмара.

Слезы текли по щекам, не принося облегчения. Должен же быть какой-то выход! Алина вдруг поняла, что если она не поедет к врачу сейчас, ей придется записываться на неделю позже. Прожить еще одну неделю в полном неведении касательно того, что происходит с сыном? Нет, это было совершенно невыносимо! «Так, без паники! Еще недавно я ездила на общественном транспорте, и сейчас доедем, не конец света». Всклипнув еще раз и вытерев слезы, Алина схватила сумку и побежала в детский сад, забрала Вовку и повела его к метро. Но на подходе к кассам поняла, что между «недавно» и «сейчас» был нюанс, который требовал пристального внимания. Этот нюанс — хрипло орущий и упирающийся — она сейчас тащила за руку.

Первым делом нужно было купить жетон, лучше сразу два, в оба конца. Алина встала в очередь, Вова выдернул руку, разом перестал орать и разлегся на бетонном полу. Каждый, кто стоял в очереди, счел своим долгом уставиться на него. Конечно, Вовка их впечатлил. В меховой шапке и ботинках, которые так и не удалось уговорить поменять на другие, в куртке с мокрыми пятнами: по дороге он успел завалиться в свежие весенние лужи. Но Алине было все равно, ведь он лежал молча, всего лишь стуча ногами по бетону, и никуда не убегал. Наконец одна бабулька подала голос:

— А что же это мальчик у вас на полу лежит, простудится ведь!

Алина молчала, до заветных жетонов оставалось два человека. Старушка продолжила:

— Ой, бедный малыш, ему же, наверно, жарко в шапке.

Алина стиснула зубы и подала деньги в окошечко кассы. Сзади послышался возмущенный шепоток. Алина схватила жетоны, наклонилась и, сжав Вовину руку повыше локтя, начала поднимать его с пола. Вова тут же отреагировал истошным воплем и стал вырываться, пытаясь ударить мать ногой.

Бабулька была тут как тут:

— Да что же это он у вас так кричит?

К ней присоединилась разнаряженная матрона лет пятидесяти:

— Девушка, осторожнее с ребенком, вы же ему руку оторвете! — и добавила, обращаясь к толпе зевак: — Понарожают, а обращаться с детишками-то и не умеют!

Тут уже Алина не выдержала, и, развернувшись к очереди, рывкнула:

— Не нравится? Полицию вызывайте!

Любопытствующие возмущенно загудели. Алина оторвала Вову от пола и понесла его, орущего во все горло, на эскалатор. Бабка, неодобрительно бурча что-то себе под нос, засеменила следом. На эскалаторе рев утих, так как Вова занялся любимым делом: совал пальцы под едущие резиновые перильца. Пассажиры молча косились на растрепанную и покрасневшую от борьбы с собственным

чадом молодую женщину и, не желая связываться с явно неадекватной мамашей, даже не пытались ей напомнить, что детские пальцы под движущимися частями эскалатора — это опасно.

В вагоне Вова вел себя нормально, только всю дорогу пролежал на полу, заставляя пассажиров его обходить. На выходе Алина, не обращая внимания на возмущенный рев, перехватила сына поперек туловища и так вынесла на улицу. Отдышавшись — ноша-то тяжелая, — собрав волосы и отряхнув плащ, Алина потащила подвывающего Вову за руку. Когда они наконец добрались до кабинета логопеда, уставшую и измотанную Алину вдруг осенило, что она могла просто вызвать такси.

К счастью, логопед Алла Владимировна Цветкова принимала всех точно по расписанию и ждать им не пришлось ни минуты.

В кабинете было невероятно количество развивающих игр и игрушек. Шкафы были забиты до самого верха: коробки разных цветов и размеров громоздились тут и там. Кое-что даже озадачивало Алину: фанерные дверцы с разными замочками, игрушечная веревка с маленькими прищепками. Ей понравился огромный кукольный домик: пока логопед вытаскивала разные коробки и подсовывала их под нос Вове, Алина с интересом разглядывала окошки и крохотную мебель.

Вовку заинтересовали, конечно, машинки. Не произнося ни звука, он, проигнорировав деревянные деревья и домики, уверенно вытащил машинки из коробки и стал расставлять их ровными

рядами по столу. Сначала маленькие, потом средние, потом большие. Он ставил их вплотную, добиваясь идеальной ровности линии, упрямо выставляя любые самые крохотные нестыковки.

Алина извинилась за мужа, который не смог приехать, посетовала на то, как трудно добираться без машины, и постепенно, под кивание Цветковой, начала излагать жалобы.

— Не говорит, совершенно ничего не говорит, — сказала Алина и вдруг растерялась. Теперь рядом с Вовой, спокойно играющим в машинки, все ее тревоги вдруг показались пустяковыми. Плохо спит ночью — а при чем тут логопед? Капризный и непослушный — ну так ему всего лишь два с небольшим года.

Цветкова заметила паузу и начала задавать вопросы.

— Скажите, а ваш мальчик... он в глаза смотрит, у вас зрительный контакт есть?

— Нет, — удивленно ответила Алина, вдруг поняв, что Вовик действительно никогда не смотрит ей в глаза. Алла Владимировна нахмурилась. Что-то записала в блокноте и спросила:

— Пальцем указывает на то, что ему нужно?

— Нет, берет мою руку и ею пытается взять или открыть.

— В еде избирателен? — продолжала заученно спрашивать Алла Владимировна, записывая ответы.

— Да, очень. Ест практически одни булочки и йогурты, пробовать что-то новое не уговорить.

— А одежду новую легко дает надеть?

Алина удивленно покосилась на Цветкову — врач явно многое знала о Вове! — и многозначительно указала на меховую шапку и ботинки, которые она даже не попыталась снять.

Каждый новый вопрос вводил Алину все в большее замешательство. Логопед не спрашивала почти ни о чем, что относилось бы к задержке речи, в то же время Алину не покидало ощущение, что все эти вопросы задаются с определенной целью и, безусловно, представляются врачу очень важными. Алина отвечала: «Нет... не умеет... не играет... не понимает... не дает... не угощает...» — и ее все сильнее охватывало предчувствие чего-то ужасного. Только теперь она явственно осознала, сколько у них всяких «не». Логопед вкратце обрисовала, что умеет делать обычный ребенок в три года:

— Речь у ребенка в три года уже практически как у взрослого, только с маленьким словарным запасом, пассивная речь чаще всего опережает активную...

«До трех лет осталось меньше трех месяцев», — подумала Алина. Она уже понимала, что логопед сейчас скажет что-то определенное, то, что очевидно специалисту с первого взгляда, и с каждым полученным ответом она лишь убеждается, что не ошиблась.

А Цветкова продолжала:

— Конечно, я не могу ставить вам диагноз, да и в вашем случае диагноз — дело долгое. Скорее всего, до пяти лет, кроме задержки речи, официально вам ничего не поставят. Могут поставить

вторичную задержку развития, хотя в три года и это вряд ли...

— А неофициально? — спросила Алина, уже готовая ко всему.

— Ну, сейчас это весьма похоже на аутизм... — Цветкова продолжила говорить что-то про «аутичные черты», про то, что такой диагноз официально получить почти невозможно, но Алина уже не слушала.

Вот он, приговор... Алина не очень понимала, что значит аутизм, хотя смотрела «Человек дождя» и еще какой-то голливудский фильм. Враз исчезли все сомнения: ничего не было случайным. Каждая проблема, каждый Вовин крик, каждое его действие — все встало на свои места, пазл сложился в общую картинку, и вот он, диагноз, странный, непонятный, но известный врачам. На миг она почувствовала облегчение. До сих пор она уговаривала себя, что ее сын обычный, а все его закидоны в поведении относил на свой счет. «Да, — думала она раньше, оставляя его валяться на земле или после очередной бесплодной попытки почитать ему книжку, — хреновая из меня вышла мать, чего уж там». Теперь же оказалось, что какая бы она ни была мать, хоть золотая, все равно ее сын ходил бы сейчас по этому кабинету в зимних ботинках и расставлял машинки в аккуратные ряды по размеру и цвету. Ну, как бы то ни было, теперь она знает, что происходит, осталось выяснить, что с этим делать.

Вова закончил с машинками и стал тянуть ее за руку к двери. Однако Алина не собиралась уходить, не узнав ответа на самый главный вопрос.

— Алла Владимировна, а... что же теперь делать?

Логопед ловко смахнула рассортированные машинки обратно в коробку и достала лист бумаги. Она начала записывать координаты мам, у которых такие же дети.

— Я всего лишь речевой терапевт и не отвечаю за лечение. Предлагаю следующее: вот, позвоните этим женщинам, они подскажут вам, к кому лучше обратиться, и дадут практические советы, как вести себя с вашим малышом. Но одно могу сказать прямо сейчас: вам понадобится много работать с самыми разными специалистами и многому от них научиться.

Вова, увидев сложенные в коробку машинки, взвыл, начал снова их вытаскивать и аккуратно выпихивать логопеда из-за стола, чтобы расставить машинки ровно на те же места, на которые он их уже однажды поставил. Алла Владимировна невозмутимо освободила ему стол, отдав листок Алине, а Алина ошеломленно смотрела на Вову. Вот же оно, почему она раньше не замечала?

Она попросила разрешения подождать, пока не подъедет такси, и на прощание они обсудили вопрос о том, имеет ли вообще смысл вести логопедическую работу с неговорящим ребенком. Оказалось, что Цветкова именуется «речевой терапевт» не случайно и одна из ее задач как раз и состоит в том, чтобы побудить ребенка общаться.

Когда они сели в подъехавшую машину, Алина снова ощутила непреодолимое желание плакать. Умом она понимала, что ничего страшного

не произошло, наоборот, теперь все будет понятно. Конечно, понадобятся врачи и все такое. Кроме того, разве она не вышла оттуда с тем же ребенком, что и зашла? Но сердце Алины чувствовало этот скорбный миг: не стало ее самого обычного здорового мальчугана, а появился другой человек, чудной и невероятный — «особый ребенок».

Доехав до дома, Алина предоставила Вову самому себе, а сама ринулась в интернет. Вова, воспользовавшись шансом, ловко стянул на пол одеяло и подушку под стол, забрался туда сам, укутался и сразу заснул.

Первым делом она бросилась смотреть, что такое «аутизм» и каковы его симптомы. Она открывала одну за другой страницы, которые ей выдавал поисковик по запросу «аутизм», и начала их жадно читать. Представшая ее глазам картина шокировала. Каждая мелочь, над которой она смеялась или от которой отмахивалась, оказалась симптомом. Бегает по всей квартире и бесконечно выключает свет. Сидит неподвижно целый час, слушая музыку. Не показывает пальцем. Не играет с другими детьми. Расставляет предметы в ровный ряд.

Казалось, этот список никогда не кончится! Она жадно вчитывалась в каждое слово, и все, все подходило! Никакой новой одежды или еды. Указание на предметы с помощью руки взрослого или другого предмета. Смех без видимой причины. Все сходилось один к одному. Где были ее глаза? Проглатывая информацию и перескакивая

с одного сайта на другой, она все больше убеждалась, что нет в мире ничего очевидней того факта, что у Вовы именно аутизм.

Алина сконцентрировалась на поисках лечения. Перейдя по первой же ссылке — так озадачило ее содержание найденного сайта, — она обнаружила форум странных родителей. Складывалось ощущение, что эти люди считают аутизм болезнью обмена веществ. На сайте шло активное обсуждение диет, вылечивания от глистов, восстановления микрофлоры желудка. Алине это показалось дикостью. Какое отношение кишечник может иметь к тому, что ребенок не выполняет простейшие команды и не смотрит тебе в глаза? Тем не менее ее поразила странная убежденность, даже фанатизм участников форума. Решив вернуться на этот форум позже и почитать внимательнее, Алина поставила закладку и перешла на более традиционные ресурсы. Идеи мелькали одна за другой: занятия с лошадьми, с дельфинами, просто плавание. Время от времени ей попадались чужие истории болезни. Она внимательно прочитывала: кто-то упоминал неудачные прививки, кто-то тяжелые роды... Ничего подобного у Алины не было и в помине.

Вся ее беременность протекала как сладкий сон. Семен буквально носил Алину на руках, исполнял любое желание. Наблюдение у высококлассных гинекологов в недавно открывшемся медицинском центре, роды в шикарной индивидуальной палате. Правда, сами роды она помнила плохо — все слилось в один ужасный кошмар.